

Ева ЛИСИНА

Ева Лисина родилась в 1939 году в д. Именеве Батыревского района Чувашской Республики. Выпускница Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Работала в Ботаническом саду МГУ им М.В. Ломоносова, 1-м Московском медицинском институте им. И.М. Сеченова, затем – старшим редактором Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Преподавала чувашскую литературу в Театральном училище им. М.С. Щепкина. Автор сказок, рассказов, повестей и пьес на чувашском и русском языках. Перевела на чувашский язык произведения А.Н. Островского, Э. Де Филиппо, П. Гаринеи, Ю. О'Нила, Варлама Шаламова, Орхана Вели и др. В 1991–2009 годах – переводчик Библии на чувашский язык (в полном объеме издана в 2009 году). Предыдущая публикация в «Волге» – «Геннадий Айги и религия – воспоминания сестры» (2020, № 7-8).

БРАТ САДРИ, ИЛИ Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ФАТИМА ПЛАКАЛА

Рассказ

Перевод автора с чувашского

1

Это невыдуманная история. Мой рассказ основан на реальных событиях.

В послевоенные годы в наших краях свирепствовал голод. Я, семилетняя девочка, видела, как из соседнего дома в один день вынесли два гроба. Сидящий мог уже и не встать, а стоящий – упасть замертво. Однажды к нам зашел человек, опухший до неузнаваемости. Он пришел из леса, в его корзине лежало несколько полусохших грибов.

– Возьми, это хорошие грибы, – сказал он моей маме, – дай за них одну картошку... хоть полкартошки...

Мама же шепнула мне с ужасом:

– Он умирает... Беги в дом деда Кавриле. Кто там есть, пусть бегут сюда. Хотя бы умер в родном доме...

Я побежала на соседнюю улицу. Прибежали сын и сноха деда Кавриле. Его уложили на таратайку и повезли. Но он не доехал до родного дома, скончался по дороге.

Вот в такое время к нам явился один мальчик. На вид ему было лет четырнадцать-пятнадцать. Голод и рожденного белокурым делает темным. Но мальчик, даже худой и черноволосый, не был блеклым, в нем таилось что-то живое, готовое пробиться. Он подошел к моей маме, протянул ей маленький узелок и вздохнул так, будто сбросил с себя тяжелую ношу. Потом пошел и встал у двери.

Мама развязала узелок и прикрыла свои глаза ладонью, словно не в силах поверить в то, что видела. Мы, все трое детей, окружили ее:

– Мама, что там? Что?

Мама открыла глаза и посмотрела на мальчика. А тот улыбнулся – широко и радостно! Вот что таилось в нем! – и закивал головой. Это можно было понять только как «Это для вас! Для вас!»

Мама вынула из узелка три лепешки. Потом достала небольшой узелок и тихо сказала: «Крупа!...» Мы, дети, ничего не просили, только смотрели на маму и лепешки. Мама

пригласила мальчика к столу. Конечно, она хотела его угостить. Но чем. Отломив кусочек от его же лепешки. Мальчик отказался:

– Йок, йок!¹

Наверное, он не хотел, чтобы в этом доме что-нибудь съестное расходовалось на него. Он просто попросил воды.

Колодцы высыхали, но вода все же была. Мама подала мальчику полный ковш воды. Выпив ее, он заторопился. Я видела в окно, как он уходит. Меня поразила его походка – быстрая, легкая, летящая. Тогда никто уже так не ходил, шагали медленно, почти не поднимая ног – люди будто берегли последние силы.

Мы стали расспрашивать маму:

– Кто это был? Откуда он?

– Он пришел издалека, из татарской деревни Шихирданы. Он – внук Садри.

То, что Шихирданы – татарская деревня, я знала. Мне казалось, она находится очень далеко, можно сказать, на краю земли. Значит, этот мальчик пришел оттуда, с края земли. Чего тогда было много, так это пыли: и высохшие, свернувшиеся от зноя листья на деревьях, и засохшие на корню травы – все превращалось в пыль, в горячую пыль. Идти по горячей пыли, под обжигающим солнцем и добраться так до края земли – вот что ожидало мальчика. Только позже я догадалась, что придавало ему силы. Ведь он нес на край земли радостную весть, ему хотелось как можно быстрее дойти до татарской деревни и крикнуть на радость всем: «Наши чувашки живы!»

Через несколько месяцев мальчик снова пришел к нам. Наверное, он заходил к нам осторожно: мы не видели и не слышали, как отворялась наша калитка, и дверь в избу он открыл тихо-тихо (наверное, так входят в пустующий дом и еще спросят: «Есть тут кто живой?»). Но заметив нас, он громко воскликнул:

– Якши!² Якши!

Этот торжествующий возглас оказался «толчком» ко всеобщей радости (а радость нам нужна была дозарезу!): мы вдруг все стали обнимать друг друга, смеяться. Мы, дети, тыкали в себя пальцем и говорили мальчику свои имена. Он же, желая развеселить нас, услышав очередное имя, удивленно поднимал брови и восторженно цокал языком. Под конец хлопнул себя в грудь:

– Ильгиз!

Ильгиз – красивое имя. Необыкновенно красивое имя. Оно как раз для такого мальчика.

Ильгиз принес нам лепешки и муку. Муки было много, не горсточка, не стакан, много-много, наверное, целое кило. Как и в первый раз, он не хотел угощаться. Выпив целый ковш воды, шагнул в зной и пыль, шагнул бодро, без страха. За день он доставил радость в два далеких конца, разделенных между собой почерневшими деревнями и полями с пустыми колосьями...

2

Все же мы дожили до весны. Когда в первый раз выгоняли стадо, люди со страхом смотрели на тощий скот, двигавшийся молча, медленно. Наверное, многие думали так же, как сказала вслух моя мама про нашу корову: «Лишь бы дошла до поля, лишь бы дошла, там уже травка пробивается...»

А травы росли быстро. Если понаблюдать, можно было воочию увидеть их рост: они все время шевелились, тянулись вверх. В тяжелые годы, вместе перенеся все тяготы, мы так начали понимать друг друга, что в этом непрерывном движении я угадывала их обращение к

¹ Йок (татар.) – нет.

² Якши (татар.) – хорошо.

нам, людям: «Больше не умирайте, потерпите еще немного, еще чуть-чуть, – мы будем расти быстро и дадим вам плоды – сочные и вкусные...»

Вместо беспощадности, царившей почти два года, пришла ласка: ласковое солнце, ласковые дожди, мягкая прохлада. Колодцы наполнились водой. По стволам и по стеблям потекли живительные соки, иссохшие ломкие ветви сменились упругими. Если прежде каждый зеленый лист был сорван на съедение, теперь густая листва шелестела безбоязненно и свободно.

Вечная красота – блеяние, мычание, щебетание, смех детей – вернулась на землю. Подали голоса охрипшие было деревенские гармонии. Вернулись хороводные песни, передаваемые из поколения в поколение в полной сохранности, без изменений ни в напеве, ни в словах. Моя деревня, бывшая целых два года нищенкой, сняла с себя черное покрывало и подняла голову – о, как был прекрасен ее лик!..

Окончив семилетнюю школу в родной деревне, я стала учиться в средней школе, расположенной в 12 верстах от нас. Жила на квартире. Хозяйка, тетя Плаг, была вдовой. Вот собрались в ее доме пять полусирот, отцы которых погибли на фронте: трое – ее родные дети, а двое – я и мордовский мальчик Валерий – квартиранты. Я никогда не чувствовала, что тетя Плаг делит их на родных и чужих. Много на свете кончается, истекает, неиссякаема только материнская забота.

Домой я возвращалась в субботу, сразу же после уроков. А уже в воскресенье вечером с котомкой за плечами отправлялась обратно. В котомке были самые бесхитростные продукты на неделю, которые я отдавала тете Плаг на общий стол.

Мама запретила мне ходить домой в трех случаях: в весеннюю распутицу («утонешь в вешних водах!»), в мороз («замерзнешь или обморозишься!») и в бурю («собьешься с пути!»). Во время бездорожья мы с Валерием оказывались на полном иждивении тети Плаг. Но моя мама предусмотрела и такие случаи. «Там на краю села есть заготконтора вторичного сырья, – сказала она. – Там работает младший сын Садри. Если вдруг тебе будет тяжело, сходи к нему. Он недавно заезжал к нам, расспрашивал, где ты учишься и где ты живешь». – «А что ему сказать?» – «Ничего не говори, просто поздоровайся: “Здравствуй, дядя Абдулла!” Он сам обо всем догадается». Этот совет был дорог и утешителен для меня, ведь имя «Садри» означало помощь и поддержку.

В одно затянувшееся ненастье я два раза ходила в эту контору, но там было закрыто. Но однажды, когда я вернулась из школы, тетя Плаг встретила меня радостная:

– Ты знаешь, кто к нам приходил – татарин из заготконторы! Посмотри, что он тебе принес!

Эти слова сразу же сняли с меня все тревожения, оставив от полноводной весны только радость и ее первозданную красоту. Продукты – несколько буханок хлеба и мешочек муки, которые принес дядя Абдулла, – тетя Плаг выложила на скамейку.

– Теперь мы продержимся. Вам салму³ буду варить, – радовалась тетя Плаг. – А еще он оставил особый гостинец, сказал, что это лично для твоего головного мозга, чтобы ты хорошо училась.

«Особый» гостинец – кусок колотого сахара – обволок меня теплом родных, словно старший брат угощал сестренку лучшей сладостью на свете.

– А откуда он вас знает? – допытывалась тетя Плаг.

– Он же наш родственник! – ответила я с гордостью.

– Как он может быть вашим родственником: мы чуваш, он татарин.

– Он – сын дяди Садри, а дядя Садри – брат моего деда Ягура.

– Какого Садри? – насторожилась тетя Плаг.

– Садри из деревни Шихирданы!

³ Салма (чув.) – чувашская национальная еда.

– Садри?! Из Шихирдан?! Он же разбойник! Конокрад! Разоритель!

Эти слова – удар за ударом! удар за ударом! – просто ошеломили меня.

Я отвечала еле-еле:

– Нет, он не разбойник... Нет, не конокрад... Нет, не разоритель...

– Как же не разоритель? Оставить хозяйство без лошади – это ведь полное разорение для крестьян!

– Нет, он не разоритель...

Наверное, тетя Плаги испугалась за меня, пододвинула мне табуретку.

– Садись, садись сюда... Девочка, ты что-то путаешь. Конечно, ты говоришь про другого Садри. Вот придет твоя мама, я все расспрошу. А этот татарин – хороший. По лицу видно – добрейший человек!

3

Мне тоже хотелось расспросить маму, поэтому я с нетерпением ждала, когда же откроется путь. И как только стало возможно, устремилась домой. Добралась и с порога выложила свою обиду:

– Мама, тетя Плаги назвала дядю Садри разбойником и конокрадом! Ведь это неправда!

Конечно, я ждала, что мама возмутится и сметет все обвинения. Но она повела себя совсем по-иному.

– Да... – сказала она тихо. – Он был конокрадом... Умный, дерзкий, неуловимый... Все деревни держал в страхе, наших лошадей уводил прямо из-под носа. Но наши мужики поймали его... Его били... На площади... Тогда мне было десять лет... – Словно от ужаса, мама закрыла глаза. – Не видела бы это своими глазами – никогда бы не поверила, что наши мужики могут так избивать человека... – Мама попыталась оправдать своих односельчан. – Хотя... Остаться без лошади... Это же беда, все хозяйство придет в упадок... Но все же... Это было ужасно... Его били целый день...

– А что потом?

– Он перестал шевелиться... Кто-то пнул его ногой и сказал: «Кажется, сдох». Потом наклонился к нему и с ужасом добавил: «Он умер!» Сначала все будто оцепенели, потом многие бросились бежать. Его оттащили к ограде, к кустам крапивы, там и оставили. Я убежала домой. Потом распространился слух, что хотели спрятать труп, искали его, но не нашли...

Я хотела узнать об этой истории как можно больше. Поэтому на следующий день пошла к тете, старшей сестре мамы, расспросила и ее.

Если судить по тому, что моя мать родилась в 1902 году, а это ужасное событие видела десятилетней девочкой, то все произошло в 1912-1913 годах.

...О том, что Садри поймали, в деревне не знал только один человек – лесник Ягур. Он целый день находился на кордоне, домой возвращался поздно вечером. Как только приехал и открыл ворота, сказал своей жене:

– Я кого-то привез. Не знаю кого. Наверное, его зверь растерзал.

Марье подошла к телеге и вскрикнула:

– Да это же Садри!

– Какой Садри?

– Шихирдановский Садри! Наши мужики поймали его, били. Думали, умер. Потом искали его труп, наверное, хотели спрятать, но не нашли. Значит, он отполз как-то... Слава богу, что в деревне не случилось убийство... А что теперь делать?

– Как что делать? Он – мой брат. Я обязан ему помочь!

– Как это твой брат?

– Я ехал, и лошадь вдруг остановилась, не хочет идти, назад пятится. Думаю, что такое?.. Сошел с подводы, гляжу – лежит какой-то окровавленный человек. Подумал, что зверь растерзал. Хрипит. Тут я вспомнил слова одного странника, слышал их еще в детстве: если подуть на угасающее пламя, оно снова возгорается. Так вот, если у раненого наступает прерывистое дыхание, надо ему через его рот вдохнуть воздух, тогда он начнет дышать ровно. Я так и сделал: вытер ему рот и вдохнул ему свой воздух. После этого раненый и тот, кто ему помог, становятся братьями. Получается, Садри теперь мне брат. Я должен ему помочь. Никто не должен знать, что он у нас. И наши дети не должны знать. Пусть побудут на кордоне. Давай внесем его в баню. А ты согрей быстрее воду и доставай свои целебные травы.

Они зажгли в бане керосиновую лампу и внесли туда раненого человека. Когда обмывали его, тот пришел в себя и спросил по-татарски: «Где я? Вы кто?» Ягур ответил: «Ты находишься у своего брата. Потом я тебе все расскажу. Не бойся. Здесь тебя никто не тронет. Я сейчас отправляюсь в Шихирданы. Скажу твоей жене, что ты жив и здоров. А ты во всем слушайся мою жену – она лучше всякого лекаря».

Чтобы было спокойно, Ягур и Марье решили об этой истории не рассказывать ни татарам, ни чувашам. Чтобы татары не начали искать Садри, надо было встретиться с его женой. Ягур ушел ночью. Ему предстояло пройти 32 версты. Когда он вернулся, уже рассветало.

– Жив? – спросил он, едва переступив порог своего дома.

– Жив. Но ночь была опасная – я его еле-еле удержала... – ответила жена. – Как там в Шихирданах?

– Пока тихо. Но жена была в страхе. Я только еще иду к их дому, еще не постучал, она уже подошла к воротам – среди ночи! – и спрашивает: «Кто там?» Голос тревожный. Говорю: «Я чуваш, из деревни Синьял. Меня твой муж послал». – Она открыла калитку, спрашивает: «Он жив?» – Говорю: «А что с ним делается? Жив, здоров. Чуть приболел». – Она: «Садри никогда не болеет. Скажи прямо!» Она такая пронзительная – ей соврать невозможно. Пришлось сказать правду. Она вроде такая хрупкая, но бесстрашная. Сразу стала собираться в путь. Еле-еле отговорил: «Ты следи за своей деревней, чтобы здесь все было тихо и мирно, чтобы не начали искать твоего мужа. А мы подлечим его: моя жена лучше всякого лекаря. Даю слово: я доставлю тебе мужа через два дня». Знаешь, что она сказала. Говорит: «У тебя будет лучший брат. Садри – самый добрый человек на свете. И самый надежный». Вот так. Она передала для мужа много белья.

– Жену зовут Фатима?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Когда ему было очень плохо, он стонал и звал: «Фатима! Фатима!» Голос был жуткий: не то прощался с ней, не то умолял ее... Я чуть приподняла ему голову и говорю: «Фатима идет! Фатима идет! Ты должен ее встретить!» Он открыл глаза и прошептал: «Фатима идет!..» Вот в эту минуту он и спасся. Если переживем наступающий день, он будет жить, – сказала Марья.

– Должны пережить, – сказал Ягур. – Иначе нельзя. Пойду к нему, скажу: «Фатима не может жить без тебя. Я обещал ей вернуть тебя через два дня. Не подводи меня, выздоравливай!»

– Иди, иди, он ждет тебя. Но не давай ему много говорить. Он еще очень слаб.

Теперь керосиновая лампа горела не только в бане, но и в предбаннике. Там на одних нарах стояли разные бутылки, склянки. На других нарах в углу лежали покрывало и подушка: Марья провела здесь ночь. Пахло травами. Два человека, всю ночь не сомкнувшие глаз, готовы были делать все, чтобы удержать Садри в жизни.

Через два дня Ягур собрался на Большой базар. Прихрамывая и опираясь на брата, Садри сам дошел до телеги. Уложив его на подводу, со всех сторон прикрыли березовыми вениками, Марье поставила между ними большую корзину с разными снадобьями и травами. Сверху накрыли мешковиной. Воз перевязали, и Ягур затемно отправился в путь. На Большой базар надо было ехать через Шихирданы. Ягур заехал прямо во двор Садри.

Вернулся он домой очень довольный. Марье встретила его с расспросами:

– Как доехал? Как они встретились?

– Доехали прекрасно. Садри весь пропах березой. Если бы ты видела их встречу... Фатима вернула тебе твою корзину. Там сверток есть. Это тебе от Фатимы.

Корзина была полна гостинцев, сверху лежал сверток. Марье развернула его и долго рассматривала. Потом сказала:

– Буду носить только по праздникам.

– Фатима сказала: «Это персидская шаль». Знаешь, как они тебя называют – табиб. Это означает «доктор».

– А главного виновника как зовут?

– Его зовут Ягур абый! Это означает «Брат Ягур».

Лесник и его жена рассмеялись.

– Значит, наше дело налаживается, – сказала Марье задумчиво. – Ягур, надо сообщить, что Садри жив. Деревня измучилась за эти дни. Ты же знаешь: когда-то, давным-давно, в нашей деревне было совершено убийство. Мне об этом рассказывали мои родители, а им – их родители. Так из поколения в поколение напоминали нам в назидание: убийство – самое страшное злодеяние на свете. Теперь в деревне все думают, что они сами совершили подобное. Улицы наши опустели, люди боятся идти в лес, не выходят на поля. Ждут кары: или явятся из волости, или татары с войной нагрянут. Будто мы попали в мрак. Надо вывести людей из этого мрака.

– Я тоже думаю об этом, – сказал Ягур. Потом с улыбкой добавил. – Сейчас устроим! Кто у нас самая болтливая соседка? Сходи-ка к ней за спичками или за солью. Ненароком поведай: Ягур, мол, ездил на базар продавать березовые веники. Повезло ему, не пришлось торчать на базаре целый день, весь товар скупил шихирдановский Садри.

...Не прошло и получаса, как к Ягуру потянулись синьяловские мужики: идут и по одиночке, и скопом по три-четыре человека, а то и по пять-шесть человек. Народу набралось целая изба. Все интересовались базаром: почему нынче березовые веники и каковы покупатели – такие же дотошные или более покладистые.

Ягур рассказывал охотно:

– Не могу сказать, почему теперь березовые веники. Я только подъехал, даже не успел пристроиться в торговом ряду, как возле моего воза остановился шихирдановский Садри. Понюхал мои веники и зацокал языком: «Якши!» Потом стал лизать. Лижет и лижет!

– Что лижет? – встревожились слушатели.

– Мои веники лижет!

– Ай, значит, он в голову был ранен, оттого лишился рассудка, – ужаснулся кто-то.

Ягур же продолжал:

– Полижет один веник, отложит его в сторону, полижет другой, и этот отложит в сторону. И все время повторяет: «Якши!», «Якши!»

– Точно с ума сошел... Беда-то какая...

Ягур рассказывал подробно:

– Полизал-полизал и говорит: «Весь товар покупаю!» Тут же расплатился. Заплатил щедро. А потом говорит: «Давай разворачивай свой обоз обратно!» Вскочил на козлы, уселся рядом со мной, взял мои вожжи в свои руки – уж правит моей лошадкой, привел мой воз прямо к себе. Разгружает и не нарадуется на купленный товар: «В бане лучше всего париться таким веником. Тогда в парильне такой дух стоит – ландышевый и березовый! Ты по виду отличаешь ландышевую березу от обыкновенной березы?» – «Конечно, – говорю я, – я же

лесник». – «А я не отличаю, на мой взгляд, все березы одинаковы. А вот листья у них разные: у ландышевой листья гладкие, а у обыкновенной шершавые. Поэтому когда покупаешь, надо полизать их листья».

Тут в избе поднялся восторженный и радостный шум:

– Вот в чем дело! Он просто проверял качество веника! Ягур, а ты не знал про эти ландышевые березы?

– Да нет! Если бы знал, разве так испугался бы!

– Ты тоже испугался?

– Обмер. Подумал, какой славный татарин погибает!

– А мы подумали, что он того... лишился разума...

– А у меня волосы зашевелились. Так стало его жалко...

– Я тоже пожалел: человек же... Подумал, как же он, сумасшедший, будет жить... А детей его что ожидает?..

– Я тоже содрогнулся: умалишенный бродил бы из деревни в деревню?.. А детей как жалко...

– Все-таки какие они ушлые, эти татары! Мы – лесной народ – не знаем, какие у нас деревья растут, а они – степняки ведь! – знают наш лес аж до листиков.

– Ну, пусть теперь парится, хлещет себя нашим ландышевым веником, смывает с себя все свои грехи! – сказал кто-то весело, и все захохотали. Хохотали неудержимо. Смеялись и на улице, когда расходились по домам. Это был смех людей, которые долго находились под гнетом страха и отчаяния, а теперь вырвались на свободу и радовались первозданной радостью...

5

Синьяловским мужикам явно не хватило одного разговора о базаре. Им хотелось слышать о Садри еще и еще. Сами того не сознавая, они были благодарны этому татарину. Благодарны за то, что он... не умер. И этим самым отвел от деревни нависший над нею мрак – возможное злодеяние, убийство.

Вечером того же дня синьяловские мужики снова собрались у Ягура, стали расспрашивать про Садри. Ягур и сам был не прочь поговорить.

Разговор начал самый старший:

– Ягур, расскажи-ка нам о Садри. Какой он?

– Какой. Крепкий, статный! Голову держит высоко! Взгляд ясный, смотрит прямо в глаза.

– Значит, честный...

– И храбрый...

– Таких называют «джигит», – уточнил всесторонне образованный учитель.

– Вот-вот! То самое! – подхватил Ягур. – С ним легко говорить: не держит камень за пазухой. Он открытый и надежный. Если есть такой друг, и жить легче. А какой радушный хозяин!

– Ты откуда знаешь?

– А как же! Как только разгрузили воз, я хотел уехать. Он не отпустил, пригласил на чай. Зашли в избу. Там такая чистота, такой уют: в таком доме в жару прохладно, а в холод – тепло.

– Это уж от хозяйки зависит!

– А ты видел ее? – живо откликнулся первый сердцеед Синьяла. – Какая она? Как зовут?

– Зовут Фатима. Прямо смотреть на нее невозможно – ослепляет. Краем глаз взглянул: глаза как черные смородинки, щеки как анисовые яблочки. А волосы прикрыты – носит персидскую шаль. Я вот что заметил: когда муженек смотрит на нее, то бородку свою поглаживает.

– Прихорашивается... – недовольно заметил сердцеед. – А детишки у них есть?

– Там порядок. Детишки приучены не путаться под ногами у гостей. Но из каждого угла сияют черные глазенки. Больше всего в их доме меня поразила мебель. Каждый табурет, каждый стул – картинка. А какой шкаф! Все украшено богатой резьбой. Я подумал, не из царского ли это дворца. Оказалось, все это он сделал своими руками. Бывают же на свете такие мастера...

– Да, он прекрасный мастер...

– Ягур, скажи-ка нам, случайно он не упомянул нашу деревню.

– Случайно нет. Он высказался про нашу деревню основательно.

В ожидании ответа народ затаил дыхание.

– Садри сказал: «Уважаю эту деревню. Это лучшая деревня в наших краях. Там живут люди доброжелательные и трудолюбивые».

– Насмехается... – сказал один из обескураженных слушателей.

– Почему это «насмехается»? – возмутился Ягур. – Мы что, желаем людям зла.

– Нет, конечно, но...

– Почему «но». Разве мы жжем, грабим, убиваем?

– Нет, конечно, мы всегда желали добра...

– Разве мы лодыри, тунеядцы?

– Конечно, не так... Трудимся с утра до вечера. Отдыха не знаем.

– А ведь Садри сказал правду!

– Он умный...

– Он справедливый...

– Таких людей называют великодушными, – подытожил всесторонне образованный учитель.

– Так-то оно так, – вздохнул Ягур. – А ведь этот татарин устроил мне веселую жизнь. Он заказал мне еще сто пар этих ландышевых веников. Что теперь мне, леснику, бегать по лесу и лизать деревья?

Наверное, народ представил, как всеми уважаемый лесник бежит с высунутым языком от березы к березе – и все покатались со смеху. Только Ягур сидел обиженный.

– Ну, Ягур, не ворчи, сделай милость хорошему человеку. Если сам не справишься, пойдем всей толпой и наломаем ему целый воз!

– Да, пусть хлещет себя нашими вениками, пусть смывает свои грехи!

Ягур, заручившись поддержкой односельчан, вздохнул с облегчением и рассмеялся. Смеялся долго...

Через два дня Марье попросила мужа съездить вместе с ней в Шихирданы: она беспокоилась за Садри и хотела осмотреть его. Взяв гостинцы и опять же корзину с травами, они вскоре прибыли на место. Только остановились перед домом Садри, как словно перезвон колокольчиков раздался: «Ягур абый приехал! Ягур абый приехал!»

Чтоб встретить лесника и его жену, хозяин вышел всей семьей. Садри и Ягур обнялись. Обнялись и их жены, но почему-то обе заплакали...

Они пробыли в этом доме довольно долго. Марье вместе с Фатимой внимательно осмотрела своего подопечного, потом они вместе приготовили новые снадобья из только что привезенных трав. А трое малышей (два мальчика и одна девочка, наверное, погодки) неотступно следовали за женой лесника, не шумели, не толкались, просто стояли тихо: они слышали, как их отец сказал их матери, что табиб – настоящая волшебница, и теперь с восторгом смотрели на нее.

Чуть прихрамывая, Садри повел Ягура в сад. Тщательно проверив каждое дерево, каждый куст, как специалист, Ягур похвалил хозяина. Дал и полезный совет:

– Некоторые кусты надо пересадить. Сейчас лето, уже поздно. Если ты согласен, сделаем это осенью вместе с тобой. Еще для детишек посадим скороспелые сорта яблонь.

Садри пока не отвечал. После того, что произошло в Синьяле, он говорил очень мало. Душа его была полна трепетного тепла, которое невозможно выразить словами. Когда он пришел в себя в бане Ягура, увидел близко от себя голубые глаза, которые пристально смотрели на него. Будто эти глаза говорили ему: «Не бойся – ты у родных. Здесь тебя никто не тронет». Тепло родных – защищающая сила! – сразу вошло в его сердце, в его израненное тело. Потом он увидел самого человека – черноволосый, голубоглазый чуваш. С того момента живет в его душе, теле, костях теплая волна – она жива как сердце, которое не переставая бьется всю жизнь. Чтоб выразить это, есть и готовые слова: «Я благодарю тебя от всего сердца», «Я никогда не забуду добро, оказанное мне тобою». Садри знает эти слова. Но не может сказать, словно даже такие «сильные» слова не могут выразить его чувства. Сейчас же, когда они – два крестьянина, чуваш и татарин – говорили про сад, у Садри вырвалось совсем неожиданное:

– Тедэ⁴, я все хочу делать так, как ты предлагаешь.

Совсем «неказистая» фраза и слова самые простые, но Садри почувствовал, что ему стало легче, – нашлись нужные слова. Самое главное: он увидел, что Ягур понял его, понял правильно, принял все с радостью и, всматриваясь в него, с улыбкой промолвил:

– Якши-и-и...

Как только освободилась от лечебных дел, «волшебница табиб» подошла к трем малышам, и поочередно поднимая их вверх, привела в полный восторг.

...Потом их угощали. Ягур поблагодарил щедрых хозяев чувашскими словами: «От обилия ваших яств гнутся ножки стола». Хозяева попросили перевести эти слова на татарский. Говорили на получувашском-полутатарском. Но все было понятно. После долгого молчания к Садри вернулся дар речи. И чтобы радовать жену, он короткую чувашскую фразу намного расширил на татарском – и Фатима, чуть прикрыв свою улыбку персидской шалью, через каждое слово мужа повторяла: «Рехмет!»⁵

...Когда выехали в обратный путь, Ягур спросил у «табиба»:

– Ну, как он? Ведь хромает...

– После такого другой остался бы инвалидом, а он поправляется на глазах. Скоро побежит.

– Я понял сегодня – мы приобрели настоящего брата.

– И настоящую сестру...

6

Объявился очевидец бегства Садри. Хозяин крайнего дома на Лесной улице рассказывал:

– Тогда наши гуси среди ночи подняли переполох. Вышел во двор – никого. Прошло немного времени, опять гогочут. Опять выхожу. И что вижу? При утреннем тумане из деревни вышел один человек и направился в сторону леса. Он прихрамывал, но шел быстро. Мне и в голову не пришло, что это может быть Садри... А это он и был. Чтобы дойти до Шихирдан, надо пройти две деревни. Конечно, вид у Садри был неподходящий, он не хотел показываться людям, поэтому решил идти по краю леса. Шел, дышал ландышево-березовым духом, пил из родника, ел лесные ягоды и полностью исцелился. Когда дошел до своей Фатимушки, на нем и царапинки не осталось, стал еще пригожее, чем раньше.

– Мужу не обязательно быть пригожим, – проворчал сердцеед.

Наверное, ужас синьяловцев перед возможным злодеянием был настолько велик, что он всколыхнул их глубинные добрые силы. Возможно, то же самое произошло и с татарами – они были благодарны чувашам, что те не убили их сородича. Эти глубинные силы вышли

⁴ Тедэ (чув.) – обращение к старшему родному брату.

⁵ Рехмет (татар.) – спасибо.

наружу, встретились, и возникла способность видеть друг в друге только хорошее и постоянное желание помогать друг другу. Все испытывали от этого искреннюю радость.

Синьяловцы, посетившие Большой базар и случайно встретившие там Садри, охотно делились своими впечатлениями.

Один чуваш рассказывал:

– Был я на Большом базаре. Мне хомут нужен был. Пошел в торговый ряд, где продают всякую упряжь. Гляжу – там Садри торгует, стоит, как знатный купец. Тюбетейка на нем такая – то там, то сям по краю искорка вспыхивает, видимо, золотом вышита.

– Наверное, Фатима вышивала, – с грустью промолвил синьяловский сердцеед.

– У Садри – богатый выбор. И хомут есть. Спрашиваю, за сколько продает. Дорого просит.

– Ну, у него и товар отменный!

– Да, товар хорош... И цена непростая. Хозяин видит, что я в раздумье нахожусь. Спрашивает меня: «Откуда явился?» – Говорю: «Из Синьяла». Он весь засиял: «О-о! А что сразу не сказал? Я сейчас тебе такой товар подберу, что вовек меня не забудешь!» Я струсил было: не подберет ли он нагайку и не огреет ли меня при всем народе. А он подвинул ко мне хомут, скосил цену ровно наполовину, протянул руку: «Бери! Такого даже у меня самого нету!» Товар оказался отменный.

– Значит, у него будем покупать!

– Само собой!

А обладатель отменного хомута рассказывал дальше:

– Там за мной стоял другой покупатель. Он видел, сколько я заплатил. Вот дает Садри такую же сумму.

– Ишь ты, прилипала!

– Неужели Садри и этому так продаст? Ведь разорится!

– Шиш! Посчитал денежки и говорит: «Добавь столько же!» – Тот: «Ты же продал этому за такую сумму». – А Садри: «Ты на него не равняйся. Он – из особой деревни». – «Что за такая особая деревня?» – «Там самые добрые люди живут. Мне следовало бы ему бесплатно дать, но сейчас деньги нужны до зарезу, поэтому с него хотя бы полцены взял».

– Молодец Садри! Как своих защищает!

А покупатель из особой деревни все продолжает:

– За такую щедрость мне хочется отблагодарить его... Только не знаю, как... Есть ли у него малые детки?

– Есть. Ягур сказал, из каждого угла сияют черные глазенки.

– Тогда я им вырежу свирели и свистульки.

Односельчане поддержали его:

– Да-да! Это хороший подарок! Представьте себе: идут по улице. Впереди идет Садри, играет на свирели. За ним шествует его многочисленная орава, все свистят из свистуллек...

– А Фатима где? – запереживал синьяловский сердцеед.

– Она стоит на крыльце. Встречает своих мусыкканов⁶ и счастливо улыбается.

– Ох! Младшему и годика нет, а свистит громче всех!

Все дружно захохотали.

Другой чуваш рассказывал:

– Отправился я на Большой базар. Иду по Шихирданам. Прохожу мимо дома Садри. Ба, хозяин стоит на лестнице, прислоненной к стене дома, и красит наличники. Зеленым цветом.

– Да, татары любят зеленый цвет.

– Как мы желтый, так они зеленый любят.

⁶ Мусыкканов – музыкантов.

– Ну, наличники у него как кружевные. Стою – люблюсь. Наверное, он спиной почувствовал, что смотрят на его работу – повернул голову и спрашивает: «Красиво?» – Говорю: «Красиво!» – «На базар идешь? Из какой деревни?» – «Из Синьяла». – «О-о! – сказал он и проворно спустился вниз. – Синьял далеко. Пойдем, выпьешь чаю». Я наотрез отказался: мол, тороплюсь на базар. Он: «Тогда обязательно зайди на обратном пути. Пойдем-ка, что я тебе покажу – только что закончил!» Повел меня на свой двор. Там стоит новенький тарантас. Конечно, я видал тарантасы, знаю, что это такое. Этот тоже такой же, да не такой: кажется, дотронься до него – он сам собой покатится. Или полетит... Я же собираюсь женить старшего сына. В голове моей одна мысль вертится: «Эх, поехать бы за невестой на таком тарантасе!» Он спрашивает: «Нравится?» – «Нравится». – «Если хочешь, сделаю тебе такой! Только скажи, к какому сроку сделать, и принеси чувашские узоры – понадобятся». Но такой товар не по мне, чтоб купить такой тарантас, последнюю рубашку придется продать. «Нет, – говорю, – благодарствую». Какой же он понятливый, наверное, уловил печаль в моем голосе. Вы ни за что не догадаетесь, что он сделал!

– Ну-ну, что он сделал? – поторопили его слушающие.

– Протянул руку и говорит: «С меня – тарантас, с тебя – два воза дров!» Не пожать протянутую руку – это же оскорбление.

– А зачем его оскорблять? Надо было пожать ему руку!

– Я и пожал. А рука у него крепкая, надежная.

– Да это же бесплатно получается. Что нам, лесным жителям, два воза дров.

– Понимаю, что бесплатно. Я решил: дам ему три воза – дубовых, ядреных. За такую щедрость не останусь в долгу: буду ездить на базар – буду заносить им лесные гостинцы, каких у них нет – орехи, грибы, душистые травы для чая.

– Кстати, а чайку попил у него?

– Что я, такой бесцеремонный? С пустыми руками да с первого же приглашения сажусь за стол?.. Вот когда понесу чувашские узоры, возьму с собой сотовый мед, грибы сушеные. Если пригласят, то попью...

– А гостинцы кому вручишь? Хозяину или хозяйке?

– Мне надо будет знать обычаи татар, – ответил осторожный чуваш.

– Я, склонив голову, преподнес бы Фатиме... – помечтал сердцеед.

– А ты до этого выучись говорить: «Салям алейкум!»⁷ Татарину будет приятно.

– Выучусь!

– А Фатиму видел?

– Не знаю. В одном окне промелькнуло что-то алое. Там на каждом подоконнике алые цветы. Может, цветочный горшок переставили, может, она взглянула – но точно промелькнуло алое.

– Ах, аленький цветочек... – вздохнул синьяловский сердцеед.

7

Однажды мужики были крайне озабочены.

Разговор начал самый старший:

– Жить спокойно невозможно: нет-нет, и вспомнишь этого Садри, переживаешь за него – как бы он за старое не взялся. Мы его тогда только по головке погладили, а другие и башку могут снести. Ведь мужик неплохой.

– Не «неплохой», а золотой! Просто у него кровь шальная.

– Ничего. Вон Волга наша какая буйная бывает, но берега держат ее крепко, не дают расшалиться. И татарину этому нужна преграда.

– Испугается он нашей преграды! Сметет все и вскочит на коня.

– ... мирно пасущегося у этой преграды, – пошутил было кто-то.

⁷ Салям алейкум (татар.) – приветствую.

– Сейчас не до шуток, – прервал его самый мудрый. – Мы стоим у опасной черты. Не забывайте: он нам не чужой.

– Какую же преграду ему устроим?

– Придется преградить его словом.

– А как? Сказать: «Так нельзя делать?» – А он: «Ладно, ладно, больше не буду». Нам такие пустые слова не нужны.

– Надо взять с него слово, клятву, что больше не будет заниматься конокрадством. Зажать его так, чтоб вся дурь выветрилась.

– Он должен бросить это позорное дело ради Фатимы. Я не хочу, чтобы Фатима плакала, – потребовал синьяловский сердцеед.

– Сказать-то легко, а как сделать?

– Вот вместе и решим. Тянуть нельзя. А потом обсудим с Ягуром. Придется поручить это дело ему. Он сказал, что Садри собирается построить новые ворота. Значит, скоро приедет на наш кордон со своими людьми: будут валить лес.

– А зачем ему новые ворота? И эти – как картинка. Каждый останавливается, не налюбуется.

– Татары такой народ, помогают друг другу. А у Садри же, наверное, полдеревни родня.

– Конечно, он помогает и Фатиминой родне, – позавидовал синьяловский сердцеед.

А самый мудрый сообщил свой план:

– Они будут жить на кордоне. Обычно там еду готовят прямо на поляне рядом с кордоном. Там стоит большой таган. Вот на него ставят большой котел... Вот уже разожгли огонь... Будут варить похлебку.

– С бараниной.

– Да-да, татары любят баранину.

– Татары устали – целый день рубили строевой лес. Теперь сидят вокруг костра: кто на бревнах, а кто прямо на траве. Садри помешивает похлебку. Самая удобная минута, чтобы выбить из него клятву.

– А Ягур где? У него уже и свидетель должен быть готов!

– Ягур сидит на пенечке, а свидетель на траве.

– Пусть он поближе к пенечку подвинется, чтобы в нужный момент Ягур мог толкнуть его.

– Свидетель сидит вплотную к пенечку. В нужный момент Ягур наступит ему на ногу. Пока что сидят. Вокруг шелестят ландышевые березы. Пахнет свежеспиленными сосновыми бревнами.

– Пусть соловьи поют, – добавил сердцеед.

– Да-да-да! Со всех сторон слышны соловьиные трели.

– А Садри все еще помешивает?

– Помешивает. Вот Ягур кашлянул, собирается что-то сказать...

– Ох, какая опасная минута!.. И что сказал?

– Ягур сказал: «Как хорошо!..» Все кивают головой.

– Пусть Садри тоже кивает!

– Кивает! И похлебку помешивает.

– Ягур продолжает: «Можно быть счастливым, только надо жить по совести».

Народ запротестовал:

– Нет, нет, так нельзя говорить!

– Если так сказать, он сразу поймет, на что намекают. Не надо ему напоминать о совести. У него есть совесть! Может, он и сам переживает. Зачем сыпать соль на рану? Надо сказать очень просто. Давай сначала!

– Итак, Ягур сидит на пенечке. Смотрит, как под котлом полыхают угли. Говорит задумчиво, тихо.

– Но чтобы все слышали... Давай сначала!

– Ягур сидит на пенечке. Говорит задумчиво, тихо, будто сам с собой разговаривает.

– А на душе у него что творится!.. Держись, держись, Ягур! Давай сначала!

– Ягур сказал: «Все просто в этой жизни: зарабатывать свой хлеб и никого не обижай. Вот и все». Все согласно кивают головой. Вот теперь Садри отозвался.

– Наконец-то!.. Что, что он сказал?

– Сказал просто, тихо: «Как всегда, Ягур абый прав. Истинно, никого не надо обижать».

– И все?! Этого мало! А где же клятвенные слова?!

– Подожди! Уже приближаются к клятве. Лишь бы у Ягура хватило сил... А Садри продолжает. Остальные слова он сказал сам себе, сказал тихо: «Больше никогда не буду заниматься конокрадством».

– Ох! А что теперь делать?

– Вот тут необходимо опереться на авторитет народа, – включился в разговор всесторонне образованный учитель.

– Как это сказать? Давай быстрее подбирай слова! Время идет! Ягур стоит и не знает, что делать.

– Надо сказать так: «Все знают, татары – народ надежный, свое слово держат крепко». Вот Ягур встает с места и подходит к Садри... Сначала он говорит про авторитет татарского народа, а под конец произносит заключительные слова: «Садри, мы все – чувашаи и татары – слышали, что ты сказал. И мы знаем, как ты сказал, так и будет!»

– Пусть быстрее протянет ему руку!

– Уже протянул! Они пожали друг другу руки. Посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись.

– А потом что?

– А потом ничего. Просто принесли огромное блюдо. Садри выложил на него куски баранины и поставил прямо на траву. А затем всем в миски налил похлебку. Сначала ели молча, потом постепенно начали шутить, улыбаться. И превратили этот день в настоящий праздник.

– И слушали соловьиный концерт, – утвердил план действий синьяловский сердцеед.

Неизвестно, как Ягур исполнил эту сложную миссию. Но в скором времени он сообщил, что не только Синьял, но и другие близлежащие деревни могут жить спокойно...

В конце концов синьяловцы все поставили с ног на голову: в пропаже коней обвинили самих коней: «Лошади же так любят Садри, что чуют его на расстоянии и сами бегут к нему. Он же не знает, чья это лошадь и откуда она прискакала. Бедняге ничего не остается, как повести ее к себе».

Примирение синьяловских мужиков с Садри произошло стремительно. В большинстве своем они были безграмотными, но получили народное воспитание, которое содержало основу жизни: жить мирно и не вредить природе. Когда-то, больше чем сто лет тому назад, в их деревне произошло злодеяние – убийство, которое потрясло всех. Оно не было забыто: как предостережение память о нем передавалась из поколения в поколение. Поэтому синьяловцы с самого детства знали, что самое страшное на свете – это убийство. Теперь оно было совершено ими самими – так они думали, пока лесник Ягур не рассказал, что встретил Садри на Большом базаре. Он оказался жив! Его видели живым! С ним говорили! Хороший он человек или плохой – теперь это не имело никакого значения. Лишь бы он был жив... Но их деревню, где избили его до полусмерти, он назвал самой лучшей деревней. Ее жителей, которые истязали его, назвал доброжелательными, он радушно приглашал их в свой дом. Он не рассказал своим сородичам о том, что произошло в чувашской деревне. Поэтому никто не жаждал мести, чувашаи ходили по шихирдановским

улицам так же спокойно, как и раньше. Во все это трудно было поверить. Но синьяловцы поверили сразу, потому что по-другому жить было невозможно. Их сердца наполнились благодарностью и радостью. Будто они из теснины вышли в свободное пространство. В этом открытом пространстве не было ни чуваш, ни татар, там были только человек и жизнь, которых нельзя было ранить. Их смех и шутки, возможно, казавшиеся посторонним легкомысленными и беспечными, на самом деле были признаком их освобождения из мрака, признаком очищающего веселья. А про Садри самый мудрый из них сказал: «Он нам не чужой». После этих слов к ним вернулась нормальная жизнь...

Синьяловские женщины повели себя по-другому. Они – хранительницы семейного очага – цепenea от ужаса, видели, как вдруг огонь погас в этом очаге, и почувствовали всем нутром: если он и зажжется (а зажжется ли?), никогда уже не будет гореть ясно. Когда же они узнали, что Садри жив, сказали очень коротко: «Бог миловал нас». Конечно, они почувствовали огромное облегчение, но их души не были раскрыты, как у мужчин. Может быть, мужчинам помогло и то, что они собирались вместе, все вместе слушали тех, кто уже видел Садри, подшучивали над ним, переживали за него (как он? целы ли руки-ноги?), по мере этого души их раскрывались во всю ширь. Женщины же больше молчали, в их душах все еще сохранялся осколок льда, осколок недоверия. Чтобы дойти до черты, которую самый мудрый назвал «Он нам не чужой», им нужна была самая малость – простая, теплая малость – которая постепенно растопила бы это недоверие.

Эту самую малость преподнесла им татарка Зульфия. Она была из маленькой татарской деревни, расположенной рядом с Шихирданами.

После окончания полевых работ чувашки приступали к рукоделию – мяти лен и коноплю, пряли, ткали. Им нужны были краски для крашения пряжи. Зульфия появилась в Синьяле именно в это время. Ясноглазая, быстроногая, она ходила из дома в дом, предлагая разнообразный товар – краски, мулине и бисер. Торговля шла бойко. Скоро выяснилось, что она в Синьяле продает дешевле, чем в соседних деревнях. Может быть, предлагает залежалый товар. Проверили – товар был первосортный. Если в деревне появлялась другая торговка, синьяловские женщины с гордостью отвечали: «Мы все это покупаем у Зульфий». Такое заявление было равноценно знаку качества.

У Зульфий была тетрадка, куда она записывала, кому что принести. Эта тетрадка вызывала у синьяловских женщин восхищение. В ней на каждую хозяйку был заведен отдельный листок. Бывало, только Зульфия зайдет и скажет: «Ну, аппа⁸, давай посмотрим, что ты заказывала и что я тебе принесла», весь женский пол – начиная от маленькой девочки до старой бабушки – вмиг собирается вокруг стола. А Зульфия перелистывала тетрадку, находила нужный листок и выкладывала товар. Женщины, очарованные ею, потом рассуждали между собой: «Как ладно она работает, а?», «Какая память, а?»

Особенно привязались к ней девушки. Для вышивок Зульфия доставляла им мулине не только основных цветов, но и разных оттенков. Было видно, что она и сама хорошая рукодельница. Показывала вышивальщицам татарские орнаменты, сама же любовалась чувашскими. Тогда почти в каждом доме стоял ткацкий станок. Зульфия не прочь была поработать на станке, что опять же вызывало у чувашских женщин восхищение.

Самая благородная сила у женщин – сочувствие, сострадание. Оно коснулось и Зульфий.

– Попробуй-ка целый день походить по деревне из дома в дом. Наверное, у Зульфий ноги гудят. А как она домой доберется? – сказала пожилая женщина. А молодая, умеющая похвастаться в нужный момент, с ходу решила сложный вопрос:

– Подождите, кто же мы такие? Садри про нас что сказал? То-то! Мы – самые добрые люди. И живем мы в лучшей деревне. И что? Лучшие люди, живущие в лучшей деревне, не могут отвезти Зульфию домой? Она приносит нам кораллы, которые достают со дна морей, а

⁸ Аппа (чув.) – сестра.

мы отпускаем ее пешей? Вот мы с муженечком сегодня же запрягаем нашу буланую и доставим Зульфию до родных ворот!

– Будем отвозить ее поочередно.

– И на тарантасе отвезем.

Проводившие Зульфию до дома, вернувшись обратно, сообщили удивительную новость. Оказывается, Зульфия была племянницей Садри. «Своя!» – сказали синьяловцы.

А осколок недоверия, притаившийся в сердцах женщин, таял и таял, пока не исчез полностью.

Как-то вечером лесник и его жена сидели на террасе кордона и смотрели на закат. Лес уходил в сумрак. Только там, где еще оставался солнечный свет, громоздились багровые облака.

– Знаешь, Марье, – сказал вдруг Ягур, – я часто вспоминаю тот злополучный день, когда избивали Садри. Что было бы, окажись я тогда не на кордоне, а в деревне?..

– Не думай об этом, – успокаивала своего мужа Марье.

– Мне часто снится один и тот же сон. Будто кричат на площади. Будто я бегу туда. Кулаки мои сжаты. Кажется мне, что я тоже буду бить. Но просыпаюсь и лежу, будто я умер. Мне хочется, чтобы он был рядом, чтобы в случае чего я мог его защитить...

– Что ты говоришь? Он какой смелый, бесстрашный! Он один может защитить всю деревню.

– Это так... Но кто же будет защищать его самого?.. Ты же знаешь, как я его люблю...

– Их... – поправила жена.

– Конечно, их... Когда я вижу Садри, мне рядом с ним не хватает Фатимы, а когда вижу Фатиму, мне рядом с ней не хватает Садри. Мне кажется, они до сих пор жених и невеста.

– Они не могут жить друг без друга. Говорят, такие любящие и умирают в один день. Посмотри-ка, не пожар ли там.

– Это такой закат... Я все же хотел бы, чтобы он был рядом, мне так спокойнее...

9

Действительно, детские и юношеские впечатления остаются в памяти навсегда. Мне сейчас 75 лет, я не боюсь никакой ненастной погоды. В любую непогоду мне кажется, вот сейчас откроется дверь, и я услышу голос с татарским акцентом: «Кызым⁹, как поживаешь?»

Когда я училась в средней школе, в ненастные дни, в пору полного бездорожья, в течение трех лет ко мне приходил шихирдановский Абдулла с хлебом. Я помню каждый его приход. Но чаще всего вспоминается один морозный день (про такой мороз чувашки говорят: «Воробьи на лету падают замертво»). Оконные стекла были покрыты толстым слоем льда. Мы закрыли ставни, и лед начал подтаивать. На мокром стекле отражался жалкий свет нашей лампы-мигалки.

В такой сумрачный вечер к нам явился Абдулла с мешком продуктов. Он был в тулупе, валенках, в шапке-ушанке. Мы все повеселели, окружили его, мы хотели прикоснуться к нему, посидеть рядом с ним...

Перед уходом он спросил у тети Плаги: «А керосин у вас есть?» – «Есть немного», – ответила она.

Абдулла пришел на следующий же день: принес нам десятилинейную лампу и канистру керосина.

А в 1956 году он пришел ко мне в конце мая. Кругом цвела желтая акация. Оттого день казался золотистым. Мы сидели с ним на скамейке перед домом. Я уже сдала

⁹ Кызым (татар.) – доченька.

выпускные экзамены и собиралась домой. Дядя Абдулла поздравил меня с окончанием средней школы и сказал: «Кызым, я знаю, ты будешь поступать в институт. Надо поступить обязательно. Это нужно всем нам». В этих словах чувствовалось не только доброе пожелание, но и требование, с меня как бы требовали поступления в институт. Абдулла посмотрел вдаль и сказал будто в пространство: «Наш Ильгиз так хочет поступить в институт...» Я знала, что Ильгиз поступал в институт (если так, значит он поступил, по-другому и быть не может!), поэтому спросила с удивлением: «Разве он не учится?» – «Он поступал два раза, но его не пропустили». – «Кто не пропустил?» – «Нелюди». – «Какие нелюди?» – «Потом поймешь. В последний раз экзаменатор сказал ему: “Молодой человек, ты очень способный. Держись! Сейчас тебя не пропустят. Приходи через два года. К этому времени обязательно многое изменится. Приезжай и сразу разыщи меня. Я тебя буду ждать”. Вот это время подошло. Он поедет поступать». – «А сейчас Ильгиз где?» – «Он в деревне, плотничает. У него золотые руки». – «Как у его деда?» – спросила я, вдруг вспомнив, что Садри до сих пор вспоминают как лучшего строителя в округе. – «Да, – сказал он, – он вообще очень похож на своего деда...» И опять посмотрел вдаль, в пространство. Но я увидела его глаза, такого горестного взгляда я не видела никогда. Казалось, они плачут, но без слез... Мне стало безумно жаль этого человека. Я хотела его утешить: «Ильгиз обязательно поступит!» Дядя Абдулла попытался пошутить: «Теперь это зависит от тебя: ты поступишь – и он поступит!» – «Я поступлю, обязательно поступлю!» – эти слова я произнесла как клятву. Потом попросила: «Как только он поступит, сообщите мне сразу». – «Сообщим».

На дорогу он мне подарил кусок колотого сахара...

Я все лето готовилась к вступительным экзаменам. Я должна была поступить: считала это своим долгом перед мамой и Абдуллой.

На каждом экзамене мне казалось, что в это же самое время сдает экзамен и Ильгиз. Я не сомневалась – он сдает блестяще. Во время экзамена по физике (это был главный предмет, мне непременно надо было получить «отлично») произошло неожиданное. Первые два вопроса я знала очень хорошо, а вот задачу решила только наполовину. Когда я отвечала, экзаменатор (женщина) слушала меня очень внимательно. После моего ответа на второй вопрос она сказала: «Достаточно!» И больше не стала спрашивать. Поставив «отлично», она обняла меня: «Девочка, ты обязательно поступишь!» Я навсегда запомнила ее фамилию – Немировская. Я поступила в институт. Была уверена, поступил и Ильгиз. Я ждала только подтверждения этого. В первых числах сентября пришло сообщение: Ильгиз поступил в строительный институт. Я заплакала от счастья...

10

Я живу в Москве. Но по литературным делам часто приезжаю в Чебоксары. В 2009 году приехала в Чувашское книжное издательство. Когда зашла к директору, увидела на его столе две толстые книги крупного формата.

– Вот какая книга вышла, познакомьтесь, – сказал мне директор.

Двухтомное издание называлось «Книга памяти жертв политических репрессий в Чувашской Республике...

Я открыла первый том. Книга начиналась с татарской фамилии: Абаев. Шихирдановский р-н, с. Шихирданы. Эта строка пронзила меня. За долю секунды я вспомнила два непонятных момента. В далеком детстве я спросила у мамы: «А дядя Садри сейчас где?» – Мама ответила тихо, будто про себя: «Может быть, его и в живых уже нет». Когда в далекой юности я пожаловалась маме, что моя хозяйка тетя Плаги назвала Садри разбойником, она сразу же приехала к ней для объяснения. И они долго говорили, и обе вытирали слезы. И дядя Абдулла кого-то называл «нелюдью».

Теперь же я не сомневалась, что в этой страшной книге есть и фамилия Садри, брата моего деда Ягура. Листать такую книгу можно было только подальше от людских глаз. Взяв двухтомник на некоторое время, я вышла в коридор. Нашла пустой конференц-зал. Устроилась там у окна в углу за каким-то шкафом. И просидела там почти целый день.

Я ведь не знала фамилию Садри. Может быть, не ведали ее и мои родственники, они знали его имя и его дом, а этого было достаточно, чтобы общаться десятилетиями. Теперь же установить его фамилию можно было только одним способом: перелистывать тысячи страниц, среди бесчисленных фамилий находить татарские из Шихирдан и искать имя «Садри».

Когда листала эту книгу, часто глаза мои не видели строк, будто во мне хранился сосуд, переполненный слезами, и ждал своего часа, чтобы вылиться потоком. Я вытирала, вытирала их, а они текли и текли не иссякая... Тысячи-тысячи фамилий были указаны по алфавиту: от «А» до «Я».

А шихирдановские татары упоминались по всей книге:

АБАЕВЫ... АЗИЗОВЫ... АМЕРХАНОВ... БИКЧУРИНЫ... ВАЛИТОВ...

Отец с сыном... Четыре брата... Три брата... Два брата...

ВАЛИУЛЛОВЫ... ВАХИТОВЫ... ЗАБИРОВ... ЗАЙНЕТДИНОВЫ...
ЗЕМДИХАНОВЫ...

Род занятий: единоличник, единоличник... мулла, мулла... культработники, учитель, колхозник колхоза «Красный Октябрь», кузнец, бывшие красноармейцы, бухгалтер, торговец, конюх, парикмахер...

ИБЯТОВ... КАМАЛЕТДИНОВЫ... КРЫМОВ... КУПКАНОВ... КУРЯКОВ...

Обвинительная статья у всех одна – 58-я.

КУЧАТОВ... МЕЗИТОВЫ... МИЗЯКОВ... МИНУЛЛОВЫ... МУЛЮКОВ...

Приговор вынесен Спецтройкой при НКВД ЧАССР.

НАСЫРОВ... ПЕТКЕЕВ... ПУГАЧЕВ... РЯМКЕЕВ... САЛЕЕВЫ... САМАТОВ...

Приговор: расстрелять. Конфисковать лично ему принадлежащее имущество.

СУБХАНГУЛОВ... СУФЬЯНОВЫ... ФАСХУТДИНОВ... ХАЙБУЛЛОВЫ...
ХАЛИТОВ...

Приговор: заключить в концлагерь.

ХУСНУТДИНОВЫ... ЧЕРЕКОВ... ЧУЛАКОВ... ЧУМАКЕЕВ... ЧУРАКАЕВ...

Приговор: сослать в Северный край. Направить этапом.

ШАКУРОВЫ... ШАМАСОВ... ШАМБАЗОВ... ЯКУШЕВЫ... ЯНТЫКОВЫ...

Приговор: заключить в исправительно-трудовой лагерь.

Имя «Садри» я встретила дважды: по сравнению с нашим дядей Садри один был слишком молодой, а другой был не из Шихирдан, а из соседней деревни...

В книге были приведены и некоторые документы. Каждая буква в одном документе показалась каплей засохшей крови... Документ, подготовленный нелюдьми:

«Из рассекреченных документов из Центрального архива ФСБ Российской Федерации:

Немедленно приспособить соответствующее помещение в здании НКВД (желательно подвальное), пригодное под спецкамеру для выполнения приговоров о расстреле.

Исполнение приговора – расстрел производится ночью.

После выполнения приговора трупы должны быть вывезены к заранее приготовленной яме, тщательно зарыты и ямы замаскированы.

...Должна быть обеспечена полная конспирация места, времени, а также техника исполнения приговоров о высшей мере наказания.

От всех лиц, привлекаемых к работе, связанной с перевозкой трупов, приготовлением и засыпкой ям, – должны быть отобраны подписки о неразглашении».

Книгу надо было возвращать. Она стала невероятно тяжелой, будто состояла не из бумажных страниц, а из железных дверей... Лязгающих: «Следующий!», «Следующий!»

Я не хотела никого видеть. Наверное, не в силах была даже поздороваться: человеческие слова исчезли, я даже не могла бы их вспомнить. Единственное, что я могла сказать, были слова чувашского парня: «Я не хочу, чтобы Фатима плакала...»